
Л. М. СМИРНОВ

ДИНАМИКА И СТАБИЛЬНОСТЬ: ЦЕННОСТНЫЕ ВЫБОРЫ РОССИЯН

Ценностная сфера – ядро любой культуры – обычно рассматривается со стороны сознания индивидуального и общественного, но ценностный выбор людей, основа их оценок, целеполагания и следующего из них поведения включает также неосознаваемые компоненты. Полнота рассмотрения базовых ценностей людей, их динамики и стабильности требует учета как декларируемого ценностного выбора, так и общественного бессознательного, отдельные проявления которого можно найти в данных массовых опросов. Проанализирован стабильно сохраняющийся потенциал культуры, который имеется в общественном бессознательном населения России. Показаны общие тренды декларируемых ценностных предпочтений.

Ключевые слова: *ценностный выбор, общественное бессознательное, предпочтения, культура, базовые ценности, динамика, устойчивость.*

Мерило народа не то, каков он есть,
а то, что он считает прекрасным и истинным,
по чем вздыхает.

Ф. М. Достоевский

Среди многообразия наработанных психологами, философами, культурологами и антропологами представлений о ценностях (как о «благе», «нужде», «интересе», «желаемом состоянии дел», «желаемом модуле поведения» и т. д.) в качестве рабочего нами принято представление о базовой ценности как о «предпочтении» данного индивида. Такое предпочтение, часто плохо отрефлексированное, он может обнаружить в контексте выбора из предложенного списка. Ранее было показано (Смирнов 2005б), что соответствующий семантически полный список базовых ценностей является кратким символическим выражением природы человека с точки зрения его основных устремлений (включая и порицаемые)¹.

¹ Такое понимание требует включения в список и базовых контрпредпочтений, того, что в природе человека присутствует, но культурой порицается, отвергается, вызывает отвращение, пугает.

Каждая культура нарабатывала свой относительно успешный способ организации взаимодействия человека с окружающей средой, опираясь на природу человека и учитывая специфику климата, почв, вмещающего ландшафта и другого природного своеобразия. Конечно, это не означает автоматического закрепления в истории культуры единственно оптимальных способов взаимодействия, что легко обнаруживается уже при небольшом изменении тех или иных природных условий. Культуры, не отработавшие успешных способов взаимодействия, имели короткую историю. Но традиционные культуры, которые ранее брали на себя задачи сохранения и воспроизводства общества, разрешения и предотвращения повседневных конфликтов, рациональной организации хозяйствования и поддержания многих других социальных скреп, в последнее время под лозунгами глобализации всячески принижаются, дискредитируются, вытесняются из жизни большинства людей.

Между тем вне культурной традиции человек остается «недостроенным». Разные культуры предлагают собственные способы защиты от одних и тех же угроз, возникающих перед сообществом, имеют разную готовность оказать сопротивление вызовам при схожих программах. Поведение человека прежде всего (но все же не исключительно, как полагают многие обществоведы) зависит от его психики, от его целей, намерений, эмоций, переживаний, оценок.

Сегодня все чаще в качестве нормы настойчиво предлагается принять то, что недавно культурологи относили к контркультуре, а религии – к несправедности, слабости человека или к греху. Отход от образа государства всеобщего благоденствия как идеала, похоже, имеет простое основание – ресурсы для жизнеобеспечения при перенаселении не приносят больше прибыли.

Поиск устойчивых структур, направляющих способы восприятия мира и связываемых с ними моделей поведения, требует учета глубинных составляющих и такого важного для единства воображаемых сообществ (нация, суперэтнос и т. п.) образования, как общественное бессознательное, особенно когда речь идет о надындивидуальных системах. Для полноты описания ценностной сферы необходимо учитывать данные массовых опросов, в ходе которых респондентов напрямую спрашивают о декларируемых базовых ценностях. За два последних десятилетия прослеживается последовательная эволюция ценностного ядра русской культуры. Готов-

ность к самостоятельным преобразованиям – по-прежнему удел активного меньшинства, на что указывает выбор ценностей, адекватных вызовам изменений в обществе, которые мы условно называем «модернистскими».

Результаты многочисленных массовых опросов о важности ценностей и неприятии контрценностей (для себя лично и для страны) демонстрируют *множество воспроизводящихся* на разных выборках (Смирнов 2003; 2005б) *структурных особенностей* декларируемых конечных предпочтений. При этом структурные особенности выбора ценностей в соответствии с заданным критерием статистически значимы, и их следует отнести к своего рода «тонким» структурам (Он же 2003). Игнорировать пусть и небольшие, но устойчиво воспроизводящиеся различия в специфике осознанного выбора ценностей разными группами населения, которые складываются в неизменные структурные особенности такого выбора, было бы неверно.

Атомизация общества, активно навязываемая в 1990-е годы под привлекательными лозунгами «свободы и демократии», продолжает размывать основу общественного бессознательного, основу единства надежд и целей. Для иллюстрации приведем данные о динамике декларируемых базовых ценностей за 20 лет, собранные по широко известной методике Ш. Шварца (SVS) на выборках слушателей военной академии (Он же 2011а). Блоки были выделены эмпирически на материале опросов более чем в 80 странах. Опросник – обращение собственно к ценностным предпочтениям – содержит 30 терминальных и 27 инструментальных ценностей (рис. 1).

С 1993 по 2009 год наблюдались серьезный рост базовых ценностей: «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм» и отчасти «достижения» – и заметное снижение средних показателей блоков «традиции», «доброжелательность», «комфортность» и отчасти «универсализм» и «власть». Практически не претерпел заметных и статистически значимых изменений всего один блок – «безопасность», который устойчиво занимает первое ранговое место, что показательно для описания общего самочувствия населения в стремительно меняющемся мире. В целом заметен рост «индивидуализации» в ущерб тем полюсам, которые работают на общественную солидарность (снижение «универсализма», «доброжелательности» к близкому окружению). Отмечается также смещение предпочтений в сторону ценностей, не подразумевающих далекую

временную перспективу. О последнем свидетельствуют и типичные для людей в эти годы ответы на прямые вопросы о горизонте планирования, полученные в массовых опросах, хотя положительная тенденция увеличения доли людей, имеющих более долговременные взгляды на свое будущее, имеется, особенно если сравнить с аналогичными данными в начале 1990-х годов.

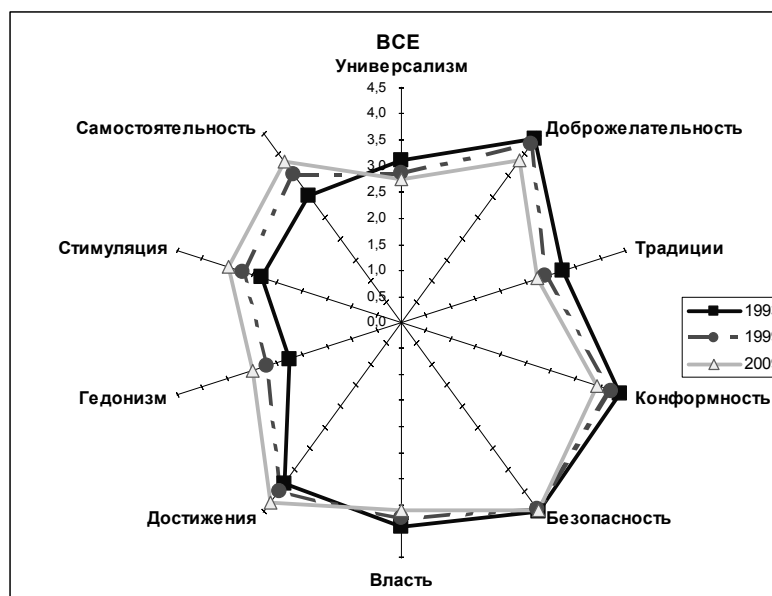

Рис. 1. Основные тенденции динамики мотивационных типов ценностей по годам (Смирнов 2011а)

В таблице 1 приведено распределение ответов на вопрос: «Учитывая нынешнюю ситуацию, на сколько лет вперед Вы с уверенностью можете говорить о своем будущем?» (%), по данным Левада-центра (Общественное... 2012).

Таблица 1

Ответы	1990 г.	1991 г.	2001 г.	2006 г.	2010 г.	2012 г.
1	2	3	4	5	6	7
На много лет вперед	1	2	2	3	4	4
На ближайшие пять-шесть лет	3	3	6	11	14	15
На ближайшие год-два	17	14	34	34	31	32

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Я не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы	61	63	53	48	47	45
Затруднились ответить	18	18	5	5	5	5
Число опрошенных, чел.	2500	2800	1600	1600	1600	1600

Это вполне соотносится с тем, что сообщает ВЦИОМ (Табл. 2. Пресс-выпуск № 2455 от 15.11.13).

Таблица 2

Одни люди стараются планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Другие строят планы только на короткий срок. А как поступаете Вы? (закрытый вопрос, один ответ)						
Ответы	III кв. 2010 г.	III кв. 2011 г.	III кв. 2012 г.	I кв. 2013 г.	II кв. 2013 г.	III кв. 2013 г.
Планирую на несколько лет вперед	17	19	17	19	21	18
Строю планы на короткий срок (2–3 месяца)	39	37	43	43	41	44
Пока не строю планов, ситуация в стране нестабильна	23	21	22	19	20	18
Никогда не строю планов, все делаю спонтанно, живу сегодняшним днем	18	20	17	18	17	19
Затрудняюсь ответить	4	3	1	1	1	1

Короткая перспектива планирования своего будущего или хотя бы представлений о том, что возможно в будущем, обычно характерна для переломных моментов истории. В целом в обществе наблюдается нарастающий распад традиционных связей в результате ослабления социальных интеграторов, культурных и организационных, в том числе и не криминализованных экономических. Другие основания, кроме традиционного общественного бессознательного, для солидарности в изменившемся обществе пока не просматриваются. С индивидуализацией, однако, не все так однознач-

но. Можно говорить о том, что рост индивидуализма носит выраженный потребительский характер. Это высокий заработок любой ценой, стремление взять от жизни как можно больше и как можно быстрее. Даже если речь идет о ценностях межличностных или связанных с интимно-личностным общением – любви, доверии, – привкус потребительства сохраняется. Это социальная поддержка для себя, помощь себе. Такой индивидуализм противоречит хорошо проработанной в западной культуре идее индивидуализма, поскольку не является результатом свободного, зрелого выбора: это как бы индивидуализм поневоле, потому что других вариантов не остается.

Современные условия жизни людей делают особо актуальным поиск универсальных общепсихологических характеристик человека, в том числе и на уровне разделяемых им ценностей. А усиление при этом конкуренции за управление ресурсами требует и уточнения специфики ценностей каждой отдельной, в частности и российской, культуры. Речь идет о специфике, которая помогает людям продолжать жить достойно, несмотря на рост экологических рисков, угрозу развала мировой финансовой системы, социальные эксперименты и вызовы других культур.

Вызовы XXI века неоднократно были обозначены, и к ним добавляются все новые (Назаретян 2013; Пантин 2011 и др.). Давно озвучены главные из реальных ближайших угроз для российского общества (см., например: Кара-Мурза 2012), вызовы оказывают системное действие и, как правило, они взаимосвязаны. Так, и потеря страной суверенитета (политического, экономического и т. д.), и снижение качества населения (как меры его здоровья, так и качества образования и профессиональной подготовки) неотделимы от демографических проблем. Для России, как и для Европы, остро встает проблема депопуляции, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока.

Традиция всегда становится предметом повышенного внимания социальной мысли в эпохи глубокого кризиса. Упадок традиционных ценностей присущ в тех или иных формах большинству втянутых в процессы глобализации современных социальных общностей, переживающих кризис собственной культурной идентичности не только как внутреннюю проблему, но и как всеобъемлющий вызов.

Обычно подразумевается, что активизация ценности происходит в момент ее осознания, но, по выражению немецкого философа

Н. Гартмана (2002), «прочувствование» ценности может осознаваться не сразу или вообще не стать содержанием сознания. Однако предпочтение и ожидание, основанное на такой активизации, будет вполне реальным, а значит, будут и полагаться, и преследоваться цели, санкционированные неосознаваемыми ценностями.

Осознание ценностей тесно связано с культурными формами, которые предлагает воспитание в широком смысле. Психологи хорошо знают, что большая часть наших желаний, не говоря уже о мнениях, является внушенной – пропущенной через тот образ самих себя, который мы хотели бы навязать воображаемым другим. Вместе с тем человек обычно убежден в независимости своих представлений и желаний: для современного, энергично обрабатываемого глобальными СМИ эгоистичного индивидуума оскорбительно утверждение, что он не знает, что делает, или не понимает самого себя. Однако если в исследовании ценностей ограничиться признаваемыми компонентами, то теряется не только индивидуальное, но и, что очень важно, общественное бессознательное, обеспечивающее необходимое каждому обществу согласие и устойчивость всей социальной конструкции.

По существу, в России вне столицы и крупных мегаполисов сохранился более консервативный и традиционный уклад жизни по сравнению с большинством западных стран. Не изменила такого положения дел даже та деморализация, которая наступила после перестройки и распада СССР.

Помимо данных о темах или мотивах, по которым в обществе отчетливо наблюдается заметное (не менее 80 % самых разных социальных слоев и страт, см.: Смирнов 2005б, 2011а) согласие, имеются также данные массовых опросов, свидетельствующие о стабильных трендах в предпочтениях людей, которые скорее указывают на какие-то границы для разрушения устоявшихся предпочтений и не исчезают вопреки работе глобализованных СМИ. Речь идет о стабильном отношении к советскому периоду, некоторых оценках деятелей прошлого, об отношении людей к науке и т. п.

Хотя выявленные предпочтения и не дотягивают до 80 % (что практически говорит о едином подходе к теме или проблеме в многонациональной и многоконфессиональной стране), по динамике за 20 лет можно составить представление о довольно стабильном воспроизведении пропорций «за» и «против». Пропорции эти не поддаются усилиям пропаганды и разве что слегка прогибаются под воздействием массивной информационной бомбардировки

в периоды перед выборами. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что по выделенным темам опросы как стимульный материал в проективной методике затрагивают важный пласт общественного бессознательного.

К примеру, ежегодно с 1996 года ВЦИОМом, а затем Левада-центром в опросах по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны задавался вопрос: «Какая политическая система кажется вам лучшей: советская (та, которая была у нас до 90-х годов), нынешняя система или демократия по образцу западных стран?»

Альтернатива:

– *советская, которая была у нас до 1990-х годов* – собрала 39 % в феврале 1996 года, 48 % – в 2003, самое низкое значение – 24 % – было в 2008 году, в январе 2013 – 36 %. Рост в 2000-е годы произошел явно не за счет пожилых людей;

– *нынешняя система* – 8 % в феврале 1996 года, с максимумом 36 % в феврале 2008 года, в январе 2013 года – 22 %;

– *демократия по образцу западных стран* – 28 % в феврале 1996 года, с максимумом 36 % в декабре 1998 года, в январе 2013 года – 22 %.

Остальные дали ответ «другое» или затруднились ответить.

На вопрос о том, какая экономическая система кажется более правильной, с сентября 1998 года половина отвечавших устойчиво выбирала вариант: *та, которая основана на государственном планировании и распределении*. В феврале 1992 года, пока еще не остыли наивные надежды на западную «демократию», доля таких ответов составляла 29 %. С конца 1990-х годов только треть респондентов отвечают: *та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения*. В феврале 1992 года таких было 48 %.

Подчеркнем, что все резкие изменения в предпочтениях связаны с целенаправленным усилением пропаганды в СМИ перед президентскими выборами.

Согласно тем же опросам, за 20 лет с двух третей до половины снизилась доля тех, кто сожалеет о распаде СССР. С четверти до трети возросла доля тех, кто не сожалеет. Возможно, сказывается убыль тех, кто получил собственный советский опыт жизни.

Сожаления о распаде часто (до половины респондентов) связываются с потерей чувства принадлежности к великой державе и с разрушением экономической системы.

Свидетельствует ли наличие мало меняющегося соотношения сторонников разных альтернатив о расколе в обществе? Иногда да, но нередко предлагаемые альтернативы для ответов не являются полюсами одной размерности в позиции людей. Например, Левада-центр задавал два общих вопроса² о принципах, по которым желательно строить будущее страны, но с готовыми закрытиями на одну тему отношения к власти и к ее функционированию:

На каком из следующих принципов, на ваш взгляд, должно быть устроено общество, в котором вы хотели бы жить?

Ответы	Окт. 2001 г.	Фев. 2006 г.	Дек. 2006 г.	Дек. 2007 г.	Дек. 2010 г.	Дек. 2011 г.	Дек. 2012 г.
Власть должна заботиться о людях	64	68	74	66	65	63	65
Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно	33	28	21	30	29	32	31
Затрудняюсь ответить	3	4	5	4	6	5	4

В чем сейчас, на ваш взгляд, больше нуждается Россия: в укреплении власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?

Ответы	Окт. 2001 г.	Дек. 2006 г.	Дек. 2010 г.	Дек. 2011 г.	Дек. 2012 г.
В укреплении власти	37	43	39	31	34
В том, чтобы власть была поставлена под контроль общества	54	42	51	60	55
Затрудняюсь ответить	9	16	10	9	10

Из формулировок понятно, что авторы хотели проверить иерархию этих вовсе не исключающих друг друга пар альтернатив в общественном сознании, имея в виду какие-то свои гипотезы о том, с чем могут быть связаны разные предпочтения, и интерпре-

² Опрос проведен 14–17 декабря 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов (см. пресс-выпуск Левада-центра от 21.01.2013).

тировать выбор «власть должна заботиться о людях», например, как проявление инфантильности и тяги к патернализму, хотя формулировка этого не содержит. Эта же альтернатива могла восприниматься и как представление о должном принципе работы зрелой власти, поэтому то, как при ответах люди понимали для себя эти альтернативы, надо проверять отдельно. Формулировки обоих вопросов явно привлекают внимание и активизируют ценностные позиции людей, но варианты ответов выдают желание составителей свести все к проверке их представлений, что может препятствовать выявлению реальных предпочтений. Устойчивость же в пропорциях выбора альтернатив может оказаться результатом проекции от скрытых в общественном бессознательном ценностных позиций.

Основная масса людей, не живущая в столицах, согласно опросам (Смирнов 2003; Возьмитель 2009), во многих отношениях не сильно изменилась – осталась в меру доброй, отзывчивой, порядочной, в меру завистливой. Одновременно под постоянным прессом СМИ и рекламы она стала более эгоистичной, более нацеленной на индивидуальный успех. При этом показательно, что в конце 1980-х и начале 1990-х годов население понимало «демократию» не как власть меньшинств (либеральное понимание), а как народовластие, власть в интересах большинства, а ценность «успеха» для большинства и теперь связывается не с первенством (западное понимание), а с созданием семьи и т. п. И все же заметная часть населения тоскует о сильной стране и об общем успехе, которым можно по праву гордиться, и это относится не только к убывающему старшему, но и к молодому поколению.

Общество развивается по своеобразному, самобытному сценарию, Россия в XIX и в XX веках вырабатывала каждый раз свой исторический ответ на вызовы современности. И специфика в том, что для россиян целое оказывается важнее, чем частное. Возможность стать частью чего-то очень важного для людей, служение (науке, искусству, стране) в идеале для большинства важнее индивидуального успеха любой ценой.

История показывает, что русские вполне способны к социальной и интеллектуальной мобилизации как при грамотном обращении к ним власти, так иногда и вопреки невнятной позиции элиты, к примеру, в Смутное время, уход в партизанские отряды в отечественных войнах, в 1990-е годы – сохранение островков научных и культурных сообществ. Реакция общества на манипуляции с об-

разованием обнадеживает: именно снизу, скорее в рамках левых движений, идет противодействие непродуманным «реформам», отстаивается задача давать качественное образование, а не выпускать бездумных потребителей.

В социальных процессах фиксируется повторяемость, последовательность, ритм и другие характеристики, являющиеся свойствами времени. Интерес к социально-историческому времени возникает тогда, когда встает проблема смысла человеческой жизни и человеческой истории, и кризис актуализирует эту проблему. Суть времени есть то значение, которое мы приписываем определенному моменту, независимо от того, как долго хронологически он длится. Рельефно проявляются различия между линейным и циклическим типом политического времени. Циклическое, описывающее круги время характерно для цивилизаций Востока. Линейное, благодаря инструментальному отношению к миру, сформировала западная цивилизация Нового времени. В результате отсутствие цикличности вызывает сглаживание различий в социально значимых ценностях с опорой на духовно-идеологические процессы и провоцирует волюнтаристские попытки «ускориться» или совершить утопический «скачок». Кстати, линейные процессы в природном мире нередко выделяются своей разрушительностью и не исключено, что они могут иметь аналогичные последствия и в социуме.

В целом общественное бессознательное современной России (Смирнов 2011б), как оказалось, дает надежды на готовность большинства населения к активному формированию собственного будущего. Об этом свидетельствуют единодушное принятие в опросах значимости идей патриотизма, семьи, воспитания детей, порядка, сильного, уважаемого в мире государства, высокого уровня общего благосостояния, значимости образования детей и резкое неприятие коррупции. С опорой на такие настроения возможно, при наличии политической организующей воли (каковой существующая элита пока не проявляет), обеспечить оздоровление общества.

Даже краткое обращение к результатам массовых опросов позволило выявить наличие позиций, не изменившихся с начала 1990-х годов до сегодняшнего дня, хотя в общественном сознании происходят сдвиги, и немалые. Об этом же свидетельствует и устойчивая по направленности динамика предпочтений в сфере базовых ценностей.

Среди знаковых сохранившихся ценностей, принимаемых подавляющим большинством, оказались, например, ожидание повышения благосостояния всего населения, необходимость побороть коррупцию и проникновение во власть криминала, неприятие наркотиков и патриотизм. Осталась надежда на государство как на организующую в масштабах страны силу, которая могла бы создать условия для благосостояния и реализовать защиту от коррупции и криминала, от некачественных товаров и услуг. При этом большинство наших сограждан убеждены, что Россия должна восстановить свою былую мощь и могущество прежде всего за счет укрепления государственных институтов. Общественное бессознательное, при консервации проблем общества, достаточно консервативно и не торопится к унификации с той скоростью, с какой идут процессы глобализации и унификации потребления (включая развлечения и т. п.). Фиксируемая национальная терпимость, которую иногда не хотят замечать как некоторые отечественные, так и зарубежные исследователи, не только «блокирует» межнациональные конфликты в стране, но и не дает возможности радикальным националистическим организациям всерьез заявить о себе в политике.

Потенциал культуры, содержащийся в общественном бессознательном, имеет огромное значение в переломные моменты³. Как и все содержание культуры, которое было выработано в истории, но сегодня не используется, оно может стать бесценным запасом, который сработает в новых условиях. Но может, в зависимости от новизны и необычности таких условий, сработать и в другую сторону, затрудняя оздоровление общества, снижая гибкость в случае новых вызовов от других культур.

Литература

Возьмитель, А. А. 2009. Ценностно-нормативное содержание образа жизни в советской и постсоветской России. *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, с. 149–164.

Гартман, Н. 2002. *Этика*. СПб.: Владимир Даль.

Кара-Мурза, С. Г. 2012. *Угрозы России. Точка невозврата*. М.: Эксмо, Алгоритм.

³ Показателен результат совместного всероссийского мегаопроса ВЦИОМ и ФОМ, проведенного 15–17 марта 2014 года. Методом телефонного интервью было опрошено 48 590 человек в 83 субъектах РФ. Выявилось почти единодушие населения (94 % сказали «да, должна») при ответе на вопрос: «Россия должна или не должна защищать интересы русских и представителей других национальностей, проживающих в Крыму?»

Назаретян, А. П. 2013. *Нелинейное будущее*. М.: МБА.

Общественное мнение – 2012. М.: Левада-центр.

Пантин, В. И. 2011. Взаимодействие глобальных кризисов и альтернативы развития России. *История и современность* 1: 128–142.

Смирнов, Л. М.

2003. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян. В: Рябов, А. В., Курбангалиева, Е. Ш. (отв. ред.), *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*. М.: Дом интеллектуальной книги, с. 16–26, 315–341.

2005а. Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах. *История и современность* 1: 162–175.

2005б. *Базовые ценности – поиск истоков*. Волгоград: Учитель.

2011а. Динамика ценностного выбора. *Вопросы психологии* 4: 77–90.

2011б. Общественное бессознательное как база социокультурного единства сообществ. *История и современность* 1: 151–173.